



М.П.Миронов

"Иллюстрированная Россия" как зеркало эмигрантской жизни 20-30-х годов

Леонид Юниверг
(Иерусалим)

Посвящается памяти тель-авивского антиквара-букиниста, библиофила и издателя Якова Тверского (1912-1993), вдохновившего автора на эту работу.

Среди периодических изданий Русского Зарубежья межвоенного времени "Иллюстрированная Россия" (1924-1939) по праву считается самым большим и наиболее распространенным. Подготавливая настоящий очерк, автор с удивлением обнаружил, что деятельность этого замечательного журнала до сих пор не была предметом какого-либо аналитического исследования. В связи с этим данную публикацию можно рассматривать как первую попытку такого рода.

Своим общепризнанным успехом этот еженедельный* литературно-иллюстрированный журнал обязан прежде всего его основателю, бывшему петербургскому журналисту *Миرونу Петровичу Миронову* (1890-1935). Ко времени выхода первого номера "Иллюстрированной России" (в середине мая 1924 г.) он был уже достаточно опытным газетным работником: в годы первой мировой войны сотрудничал в двух лучших российских газетах – столичных "Биржевых ведомостях" и московском "Русском слове" (точнее – в его петербургском отделении), а в 1918-1919 гг. редактировал киевскую газету "Наш путь". И все же только вера в свою звезду, подкрепленная первоклассной журнально-редакторской школой, пройденной у таких мастеров своего дела, как В.Дорошевич, М.Горелов и А.Руманов, позволила ему решиться на столь отважный шаг, как открытие собственного журнала в условиях эмиграции. Даже сам Руманов – в то

* Первые полтора года журнал выходил раз в две недели, затем – еженедельно.

время тоже парижанин – с недоумением наблюдал за своим бывшим сослуживцем. "С каким скептицизмом мы смотрели на первые шаги, на огромную затрату энергии, сил, денег", – вспоминал он спустя три года. И тогда же вынужден был признать: "Вера М.П.Миронова в свое дело победила!"¹

В приветствии к выходу 100-го номера "Иллюстрированной России" В.А.Маклаков – один из лидеров кадетов, бывший посол России во Франции – писал: "Сотый номер журнала и все растущее число подписчиков показывают, что журнал удовлетворяет какой-то несомненной потребности. Труднее сформулировать, в чем она заключается: удовлетворяется ли она беспартийностью органа, отсутствием политической свары, любовным отношением ко всем проявлениям русской культуры или просто иллюстрациями, которые заменяют нам жизнь, – я решить не берусь..."²

Думается, что успех журнала был обеспечен не каким-то отдельным из перечисленных Маклаковым качеств, а именно всей их совокупностью.

С самого начала Миронов избрал для своего журнала внепартийный курс. Вопреки политикам, утверждавшим, что переживаемый момент требует дифференциации эмигрантских масс, разделения на левых и правых, то есть на монархистов и республиканцев, редактор "Иллюстрированной России" видел перед собой лишь один, общий для всех водораздел: большевизм. Разобиденные партийными программами, они были едины в главном – "в протесте против режима угнетения Нации", о чем лучше всего свидетельствовал их исход из России советов. "Служить нуждам *всей* эмиграции, освещая ее жизнь и быт, откликаясь, по возможности, полнее на ее радости и скорби"³ – таков был девиз Миронова и его редакции.

Вместе с тем, организаторы нового издания хорошо понимали тот огромный и вполне естественный интерес эмигрантов ко всему, что происходило в Советской России. Не только важнейшие политические события, но и повседневный быт был широко отражен на многочисленных снимках и в фоторепортажах, и именно эта часть материалов "Иллюстрированной России", заявленная и в самом названии журнала, была для многих привлекательной и оригинальной, обеспечив тем самым значительную долю общего успеха всего предприятия Миронова.

Большой удачей журнала было и то, что его с первых же шагов поддержали такие крупные писатели-эмигранты, как М.Алданов,

К. Бальмонт, И. Бунин, Дон Аминадо, А. Куприн, Н. Тэффи, А. Черный, С. Юшкевич и др. Их новые произведения украшали первые страницы "Иллюстрированной России", они же входили в круг ближайших друзей журнала и старались помогать Мионову и словом и делом.

Показателен в этом смысле перечень гостей на юбилейном обеде "Иллюстрированной России": А.И. Куприн с супругой, А.М. Черный с супругой, С.С. Юшкевич с дочерью, В.А. Маклаков, адвокат М.Л. Гольдштейн с супругой, драматические актрисы Шошана Азивит и Е.К. Рощина-Инсарова, художник Б.Д. Григорьев, адвокат Г.Б. Слиозберг с супругой, журналисты А.А. Яблоновский и А.И. Филиппов и др. В числе друзей журнала на обеде присутствовали также несколько видных представителей французских общественных кругов, в их числе бывший депутат Парижа Жан Эрлиш, представитель Комитета празднеств столицы Отюст Сабатье.

В течение восьми лет Мионов успешно руководил журналом. Дружественная атмосфера в редакции и вокруг нее сложилась благодаря главному редактору – душе всего дела и зачинщику многих интересных начинаний. Не случайно Мионов пользовался заслуженным уважением в среде профессиональных литераторов. Так, П.Н. Милков писал: "Сотый номер иллюстрированного русского еженедельника в эмиграции есть дело необычное. Он свидетельствует о большом личном подвиге, энергии, настойчивости, деловой опытности редактора, осуществившего это необычайное явление. Мы давно знали в журнальном мире, что все эти свойства присущи в высокой степени М.П. Мионову".

Редакцией были получены приветствия от многих известных деятелей Русского Зарубежья, единодушно признавших, сколь велико значение журнала Мионова для поддержания и развития культурного потенциала русской диаспоры. Вот одно из приветствий – А.А. Яблоновского: "'Иллюстрированная Россия' выросла из горчичного зерна... *Посадил зерно М.П. Мионов, – честь ему и слава, что на чужой земле он вырастил хорошее русское дело*"⁵ (курсив мой, – Л.Ю.). Редакция отдавала себе отчет в невозможности блюсти "культурную чистоту" еженедельника, и об его всеядности (оправданной запросами обывателей, от которых зависели не только тираж, но и жизнеспособность издания) говорят ироничные стихи Саши Черного:

Словно в ноевом ковчеге
Все в журнале вы найдете:
Двухголового верблюда,

Шляпку модную для тети,
Уголовную новеллу
В двести двадцать литров крови,
И научную страничку – "Как выращивают брови"...
Обыватель – это сила!
Чуть забыл – и сразу на кол
Он издателя посадит:
Это вам не кот заплакал!

.....
Но зато еженедельник
Рядом с модой и верблюдом,
На десерт вас угощает
И другим отборным блюдом:
То бряцаньем звонкой лиры,
То изысканною прозой –
В огороде эмигрантском
Лук растет бок о бок с розой...
Пусть растет! В пустыне нашей
Дорог каждый нам оазис, –
Да и розу удобряет
Основной тиражный базис⁶.

В середине 1931 г. из-за тяжелой неизлечимой болезни ног Мионов вынужден был покинуть свое любимое детище. Только после ампутации ноги, незадолго до смерти, он вернулся к издательской деятельности, начав выпуск новой еженедельной литературной газеты "Семь дней в иллюстрациях" (Париж, 1934-1936).

А.И. Куприн, сменивший Мионова на редакторском посту, в связи с вынужденным уходом "дорогого собрата, милого Мирона Петровича", писал: "Найти другого такого редактора для 'Иллюстрированной России' совершенно немислимо... Вот почему с понятным смущением, с невольным волнением, с чувством большой ответственности я принимаю из рук Мирона Петровича тот редакторский компас, по которому мой энергичный и умелый предшественник в течение многих лет вел верной и твердой рукой корабль своего журнала с гордым вымпелом 'Иллюстрированной России'". Добавим, что в статье Андрея Седых "Русские евреи в эмигрантской литературе" Мионов назван в числе представителей русско-еврейской интеллигенции, которая внесла весомый вклад в развитие книжно-журнального дела Русского Зарубежья⁷.

Куприну довелось возглавлять журнал лишь в течение года, так как 62-летнему писателю уже не под силу была напряженная редакционная работа – у него резко ухудшилось состояние здоровья и, главное, – зрение.

Начиная с июля 1932 г. и до конца существования журнала (т.е. до середины 1939 г.) редакцией и издательством "Иллюстрированной России" заведовал Б.А.Гордон, бывший владелец газеты "Приазовский край". В конце 1935 года именно Гордону довелось отметить выход 500-го номера журнала и сотой книжки литературных приложений².

* * *

Отдельно следует остановиться на тематическом разнообразии материалов еженедельника, печатавшихся по большей части под шапками многочисленных рубрик. Даже сам их перечень вполне передает характер журнала, универсальность его интересов. Так, уже в первый год издания "Иллюстрированной России" в нем появились рубрики: "Театр и искусство", "Книжная полка", "Спорт", "Страничка для детей", "Парижские моды", "В часы досуга" и др. Несколько позже возникли рубрики "Русские в эмиграции", "Женская страничка", "Русское искусство за рубежом" "Советский комор", "Заметки репортера", "Ушедший быт", "Мировой экран" и др.

Так, в рубрике "Театр и искусство" в середине июля 1925 г. была помещена заметка Виктора Вальтера – в прошлом концертмейстера оркестра Мариинского театра, из которой можно было узнать о проходивших в Большой Опере гастрольях оперного дирижера Эмилия Альбертовича Купера. Отметив успешное концертное исполнение "Сказания о граде Китеже" Римского-Корсакова, Вальтер остановился на особых заслугах дирижера перед русским искусством. Во время первых дягилевских "Русских сезонов" 1909-1914 гг., а затем в 1922 г. в Германии и в 1924 г. в Южной Америке Купер ставил русские и иностранные оперы, дал ряд концертов. С 1925 г. Купер систематически работал в Национальной опере в Риге.

Год спустя в той же рубрике сообщалось о концерте известного русского баса А.И.Мозжухина, в репертуаре которого были произведения Мусоргского, Россини, Шуберта и Шумана. Артистическая деятельность певца была посвящена главным образом концертной эстраде, а потому он много гастролировал: объездил всю Сибирь, Туркестан, Китай и Японию.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

№ 49 / 1936
Тираж 1000 экз.
Цена 1 руб. 50 коп.
в России

Этот номер высылать
по уполномоченным адресам.

РУССКОЕ
ИСКУССТВО
ЗАГРАНИЦЕЙ

L'ART RUSSE
A L'ETRANGER

Ида Рубинштейн

Иде Рубинштейн, сопрано,
на сцене театра в Париже.
Издание "Иллюстрированной России"

M^{me} Ida Rubinstein

Grand Opéra de Paris
et dans les théâtres
à l'étranger de Paris.
— photo de M. A. BLAISE



В "Театральной хронике" приводится забавный эпизод из интервью с "божественной Идой" (Рубинштейн) после ее триумфального тура по Италии. На вопрос, хотела ли она встретиться с Муссолини, Ида ответила: "О нет, он слишком занят! У него пятьдесят свиданий в день. А я не привыкла быть пятьдесят первой..."¹⁹

В рубрике "Русское искусство за рубежом" немало очерков о художниках. Например, о Г.Гликмане, картины которого покупались Люксембургским музеем в Париже и Музеем Королевской Академии в Лондоне²⁰. Об искусствоведческом уровне очерков можно судить хотя бы по такому отрывку из статьи Лоллия Львова о Савелии Сорине:

"С.Сорин отличен от других и своим подходом к портретописанию. Его портреты не закрывают в себе неудержимого влечения к мастерству старых мастеров, которым отмечено 'неоакадемическое' творчество А.Яковлева. Его портреты не отмечены и тем динамическим духом внутреннего напряжения и клокотания, той страстью, которыми проникнуто творчество Б.Григорьева. С.Сорин совсем иной в своих портретах. Его портреты глубоко статичны. Лица его героев и героинь – всегда спокойны, всегда и неподвижны и бесстрастны, как бы успокоенные волей художника, пытающегося утихомирить и заставить смириться взбаламученное житейское море. Всепримиряющий и всеуспокаивающий взгляд художника как бы покоряет себе позирующих ему людей.

Отсюда торжественная приподнятость и лиризм этих соринских портретов. Отсюда их, так пленяющая многих, и некоторая старомодность. Отсюда близость его искусства не столько к искусству нашего времени, сколько к искусству времени ушедшего"²¹.

На страницах, посвященных киноискусству (рубрика "Мировой экран"), можно было прочесть интервью с кинорежиссерами, успешно работавшими в западных киностудиях (А.Б.Каменка, С.С.Шифрин), рассуждения о месте русских в Голливуде (тогда – Холливуде)²², о возможности объединения русских кинематографических сил в эмиграции (интервью в Р.Л.Пинесом, стоявшим во главе одной из наиболее активных французских организаций – "Софар-Фильм")²³.

Любопытное сообщение из раздела хроники: известные музыканты Яша Хейфец и Леопольд Годовский уезжают в Иерусалим на закладку консерватории рядом с Еврейским университетом на горе Скопус²⁴. Сюжеты, связанные с Палестиной, время от времени возникали на страницах "Иллюстрированной России". Таков, например,

фотосюжет 1927 г., посвященный землетрясению на Святой земле: на снимке изображены беженцы из Иерусалима, собравшиеся на Оливковой горе²⁵. Печально известному еврейскому погрому в Палестине в 1929 г. посвящены два фоторепортажа – "Вокруг палестинских событий" и "Эпилог палестинских событий". Промелькнуло сообщение о Палестинской выставке в Лондоне. На снимке профессор Иерусалимского университета Эльзар Сукеник, демонстрирующий ковер с воспроизведением мозаичного пола древней синагоги²⁶.

Сообщения и объявления, касающиеся различных событий русско-еврейской жизни в эмиграции, печатались довольно часто. Так, в июле 1926 г. в рекламном разделе еженедельника было помещено объявление о гастролях Московского театра "Табима", в репертуаре которого было несколько замечательных спектаклей: "Дибук", "Вечный жид", "Толем", "Сон Якова" и "Потоп". А через год в журнале можно было прочесть заметку об открытии в Париже Еврейского художественного кабаре. В ней, в частности, объяснялось, что это кабаре организуется по типу знаменитой "Летучей мыши" Н.Балиева и является первой попыткой создания еврейской интимной сцены в Западной Европе. В программе намечался целый ряд инсценировок из еврейской жизни, для которых специально написана музыка и привлечены лучшие артистические силы²⁷. Периодически в Париже устраивались и "еврейские балы". Объявления о них также помещались в "Иллюстрированной России".

Значительное место в публикациях журнала занимали материалы исторического и мемуарного характера. Среди них – серия очерков

Н. А. Тэффи.



Поздравляю с № 100!

Так уверена в дальнейшем процветании журнала, что сегодня же принимаюсь придумывать экспромпты для номера № 1000.

А.Яблоновского по истории Великой Французской революции; воспоминания А.Деренталя о казни Галона в Озерках; В.Бурцева — о встречах с Азефом; записки бывшего начальника Московской сысской полиции А.Ф. Кошко "Воспоминания русского Шерлока Хольмса" и аналогичные записки его парижского коллеги Горона "Воспоминания французского Шерлока Хольмса" (в написании фамилии английского сыщика сохраняется журнальная орфография — Л.Ю.).

Большой культурной акцией "Иллюстрированной России", способствовавшей ее популярности, стало издание литературного приложения. Следуя традициям старых русских журналов, и в первую очередь знаменитой "Нивы" Адольфа Маркса, редакция с 1929 года приступила к выпуску "Библиотеки лучших русских и иностранных писателей" (по 24 книги в год).

Тем самым журнал в значительной мере способствовал распространению произведений классиков и современных писателей-эмигрантов в двухмиллионной русской диаспоре. В "Библиотеку" вошли избранные сочинения И.Бунина, З.Гиппиус, А.Куприна, Д.Мережковского, Н.Тэффи и др.

Немало места выделялось для рекламы издательств, книжных

М. Л. Гольдштейнъ.



Дорогой
Миронъ Петровичъ.

Какъ севастопольцамъ мѣсяць былъ засчитанъ за годъ, такъ и сотый номеръ «Иллюстрированной Россіи» можно считать, въ условіяхъ эмиграціи, за тысячу двухсотый.

Недѣля не отдала дажь признанія Вашей инициативѣ, мужеству и таланту.

Крѣпко жму Вашу руку.

M. Goldstein

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ

„Бѣдность не порокъ“ ИЛИ „Какъ живетъ Демьянъ Бѣдный“.



Демьянъ Бѣдный (любимый снимокъ)

Демьянъ Бѣдный въ «своемъ» кабинетѣ.
(«Красная Нива», отъ 27 января 1929 г.).

«Бѣдность не порокъ», — говоритъ старая русская пословица, но... «большое санство» — обычно прибавляютъ шутники. Это-то вторую часть поговорки, какъ кажется, особенно хорошо усвоить кремлевскій придворный поэтъ Демьянъ Бѣдный, не составляющий, впрочемъ, исключеній среди «социалистическихъ» самозванцевъ, населяющихъ русскіе дворцы, очевидно, по праву войны. («Война дворцанъ!»).

Мы воспроизводимъ портретъ Демьяна Бѣднаго, взятый нами изъ одного изъ со-

ветскихъ журналовъ. Какъ говоритъ популярная русская пословица, это «любимый снимокъ» большевистскаго Державина. Въ шелковой пижамѣ, за роскошнымъ столомъ, среди любимыхъ книгъ (полное собраніе сочиненій Ленина?), — такъ живетъ и работаетъ вѣщный угнетеннаго пролетаріата Демьянъ Бѣдный. Кстати, не узнаете ли кто-нибудь изъ нашихъ читателей своей мебели, библиотеки и вещей, на роскошномъ столѣ пролетарскаго поэта?. Всякое бы-
заетъ...

магазинов, переплетных мастерских и, конечно же, рецензиям, опубликованным в рубрике "Книжная полка". Высокопрофессионально сообщенное о книге М.М.Винавера "Недавнее", в которой автор дает "прониновенно-субъективные и исторически объективные характеристики судебных общественных деятелей предреволюционной России"¹⁸. В 22 номере "Иллюстрированной России" за 1929 г. А.И.Куприн опубликовал очень теплую рецензию на воспоминания М.Л.Гольдштейна "Статьи и речи", выпущенные парижским издательством "Родник". Куприн подчеркивает блеск талантливой адвокатской речи и особый благородный дух книги: "Воспоминания М.Л.Гольдштейна сквозь легкий налет горечи, сквозь сдержанную грусть по прошлому полны нежной благодарности и горячей дружбы к ушедшим навеки учителям, товарищам и сотрудникам по профессии, <...> он с любовью показывает нам и строгость адвокатской этики и тяжелый труд, часто сопровождающий ее, и минуты истинного вдохновения". Называя целый ряд свободных профессий, которым злая судьба России не помешала существовать и даже развиваться по обе стороны границы, — Моисей Леонтьевич восклицает: "И только адвокатура безмолвствует! Для ее существования нужно два условия: судебная трибуна и свобода. Мы имеем здесь абсолютную свободу, но нет трибуны. Наши товарищи в России имеют трибуну, но лишены свободы"¹⁹.

Все материалы журнала иллюстрировались фотографиями или рисунками. Кроме того, отдельные страницы отводились под специальные фоторепортажи из различных мест Русского Зарубежья, а также из Советской России. Особые сложности возникали с фотографиями из России, которые "приходилось выискивать всеми путями — подчас трудными и нелегальными"²⁰. Перечислим для примера ряд советских фотосюжетов: "Забастовки в Москве", "Советские беспорядки", "Октябрины в Советской России", "Чем торгуют в Совпедии (толкучий рынок в Вятке)".

Как известно, в каждом уважающем себя журнале есть отдел юмора и сатиры. С 1 мая 1925 г. такой раздел под названием "Бумеранг" появился и в "Иллюстрированной России" с подзаголовком: "Независимый двухнедельник сатиры и юмора под ред. проф. Фаддея Симоновича Сметкина". Для знакомства с "именитым" редактором — одним из потомков Козьмы Пруtkова — в "Бумеранге" воспроизводится его рисованный портрет и публикуются несколько афоризмов. Вот два из них: "Самое редкое в эмиграции явление: ветеринар, именующий себя профессором"; "Нетанцующий эмигрант подобен их-

тиозавру"²¹. (Последний афоризм намекает на всеобщее увлечение танцами и обилие балов в эмигрантских кругах.)

Еще ряд сатирических материалов "Бумеранга":

Из надписей на стенах мавзолея Ленина:

Ах, Володя, Володя! Ты один с мозгами был, да и тех при жизни лишился.

Товарищ по партии

Гордись, Ильич... Строили Россию тыщу лет, а ты ее в три года на фу-фу пустил!

Старый лудильщик Звонарев

Лучше мертвый Ленин, чем живой Зиновьев.

Беспартийный²²

Постоянным автором журнала от его первого до последнего дня был художник Мад. Разнообразные сюжеты, придумываемые им, были на редкость изобретательны как в темах, так и в подписях к ним:



Семен Юшкевич, на горе соседям, ночью чужим играть Бетховена.
Снимок к ироническому самоинтервью "Как живет и работает Семен Юшкевич"

"История русской революции в возгласах". Вот как выстроены их ряд: "Долой!", "Браво!", "Вперед!", "Ура!", "Караул!", "Увы!".

"Советский строй у собак". Весьма выразительно в собачьем облике показаны основные типы совпарработников, оппозиционера, чекиста, нетмана, спеца, беженца и др.

Журнал не ограничивался критикой советской действительности. Со второй половины 1928 г. в еженедельнике стали печататься литературные сочинения ряда советских авторов, в чьих произведениях события недавнего прошлого, а также быт и нравы в Советском Союзе выглядели наиболее правдиво и убедительно. В первую очередь это отрывки из романа М.Булгакова "Дни Турбиных" и повести И. Ильфа и Е.Петрова "Светлая личность", рассказы В.Ардова, М.Зощенко, Б.Лавренева, Б.Левина, Н.Погодина, К. Тренева и др. Удачным дополнением к этим сочинениям служили многочисленные рисунки и карикатуры, извлеченные сотрудниками редакции из разного рода советских сатирических журналов. Среди авторов-графиков можно встретить В.Лебедева, А.Радакова, Г.Эфроса, Ю.Ганфа и др.

Весьма красноречивы названия актуальных фотосюжетов: "Начало конца (накануне ареста оппозиции)" и "Вчерашние вожди - враги народа". На первом снимке Рыков, Радек, Троцкий и Раковский, на втором - Рыков и Бухарин под конвоем. Последнее фото, ввиду сенсационности, вынесено на обложку 12-го номера журнала за 1938 г.

Конечно, безусловный интерес у читателей вызывали материалы и фотографии, связанные с судьбами эмигрантов, так или иначе завлеченных в сети ГПУ или ставших их жертвами. Сенсационными были, например, разоблачающие материалы В.Л.Бурцева об операции "Трест", о Борисе Савинкове или о методах вербовки сотрудниками ЧК секретных осведомителей. Особое впечатление произвели на Русское Зарубежье две беспрецедентные акции ГПУ в Париже: похищение в 1930 г. председателя "Русского общевоинского союза" генерала А.П.Кутепова и в 1937 г. - его преемника, генерал-лейтенанта Е.К.Миллера. Причем в последней акции приняли участие завербованные ГПУ певица Н.Плевицкая и ее муж, генерал Скоблин. К расследованию двух этих событий было долго приковано внимание всей эмиграции, а потому публикациям о них отведено немало места в нескольких номерах журнала.

Говоря о роли русско-еврейских литераторов в авторском коллективе журнала, подчеркнем, что еврейская тема отнюдь не носила доминирующего характера в этом вполне нейтральном русскоязычном

ЧТО БУДЕТ СЪ ПАРИЖЕМЬ...

Рис. МАДА в два «Кол. Рига».



За оппортунизмом шаферов нечего искать, удачи добиваться.



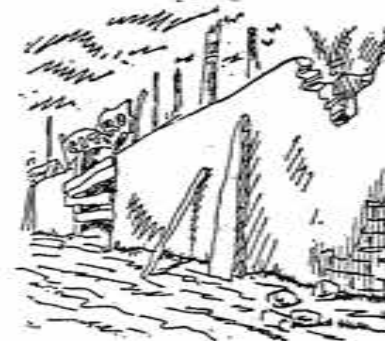
За оппортунизмом шаферов нечего искать, удачи добиваться.



Давать нечего будет, захватить себя самим.



Не будет ресторана и тогда придется искать другой.



Зачем же автомобильные промышленники, если за отсутствием работы...



Все это будет, конечно, тогда, когда будут выделены и русские вынуждены смогут вернуться на родину.

Одна из страниц художника Мада

издании и возникала лишь по мере естественного интереса к ней со стороны как читателей, так и самой редакции "Иллюстрированной России", старавшейся следовать прежде всего вкусам интеллигентной части своих подписчиков. Помимо самого М.П.Миронова следует назвать Сашу Черного (А.М.Глихберга), Семена Юшкевича, Марка Алданова (Ландау), Дона Аминадо (А.П.Шполянского), Андрея Седых (Я.М.Цвибака). Особенно тесно сотрудничал с редакцией *Саша Черный*. В течение первых трех лет он вел в журнале постоянную рубрику "Страничка для детей", где помещал свои оригинальные рассказы и сказки в стихах и прозе: "Девочка и попугай", "Леший на елке", "Вещи, которые сами ходили" и др.

Семен Юшкевич опубликовал в еженедельнике несколько своих рассказов, а также ироническое самоинтервью "Как живет и работает Семен Юшкевич". *Марк Алданов* впервые напечатал неопубликованную главу из трилогии "Мыслитель" – "Суворов в Бронне". *Дон Аминадо* периодически помещал свои сатирические стихи и поэмы, где наряду с Сашей Черным и Лою (Л.Г.Мушштейном), остроумно изображал многие трагикомические стороны жизни Русского Зарубежья и Советской России.

Время от времени *Андрей Седых* вносил оживление в устоявшийся ритм журнальных материалов. До сих пор с большим интересом читается его необычайно живая и злободневная рубрика "Наши анкеты".

Из ответов на его вопрос: "Когда мы вернемся в Россию?" – наиболее пророчески верным оказалось мнение М.Л.Гольдштейна: "Не знаю, когда и кто вернется в Россию. Думаю, большинство останется на и во французской земле. Несомненно одно: та Россия, которую мы хотели бы увидеть, к нам не вернется раньше, чем через два-три поколения..."²³

О роли М.Л.Гольдштейна в судьбе журнала следует сказать отдельно. С 21 мая 1926 года материальное обеспечение выпуска еженедельника перешло к специально образованному акционерному обществу, в правление которого вошли проф. барон Б.Э.Нольде (товарищ председателя), М.П.Миронов (директор-распорядитель и гл. редактор), приват-доцент Л.Г.Барац (коммерческий директор) и присяжный поверенный И.В.Дуссан (секретарь)²⁴. Председателем общества был избран М.Л.Гольдштейн.

Гольдштейн пользовался заслуженным уважением в литературных кругах Русского Зарубежья. Мы уже говорили о высокой оценке его

воспоминаний Куприным. Добавим цитату из "Дружеского послания" К.Бальмонта:

...*Гольдштейн*, отменный златокамень,
С прямой и светлою душой,
Заговорит, – и в слове пламень.
А если ты в беде такой,
Что бьешься прямо сам не свой,
Приди к нему, он не чужой²⁵.

Материалы о нелитературных сотрудниках редакции редко попадали на страницы журнала, а потому особенно ценна информация о *Моисее Львовиче Купермане*, – со дня основания журнала работавшем в Отделе объявлений. В некрологе, написанном его сослуживцем Евг. Хохловым, отмечается, что Куперман до революции был крупным землевладельцем на юге России. Оказавшись в эмиграции без копейки денег, он вынужден был в свои 65 лет зарабатывать на хлеб тяжким трудом и утомительными передвижениями по городу. В конце концов усталый организм не выдержал, и в июле 1929 г. Моисей Львович скончался. "Кристалльная честность, щепетильная аккуратность делали его несравненным сотрудником, – подчеркивает автор некролога, – а доброта и ровный, мягкий характер снискали ему всеобщую любовь сослуживцев"²⁶.

Немало литературных страниц еженедельника занимала тема ностальгии. Особый резонанс получила новелла С.Юшкевича "Домик сумасшедшего". В незамысловатом по форме рассказе Юшкевич знакомит нас с двумя земляками из украинского города Николаева, встретившимися случайно на Монмартре в Париже и зашедшими в кабачок поболтать за чашкой кофе. Бывший николаевский башмачный торговец Шмирер, ставший неожиданно парижским антикваром, восклицает:

"...*Что такое человеческая голова? Домик сумасшедшего, просто домик сумасшедшего, между нами говоря... Сумасшедший в домике бунтует. Где синагога башмачников? Дай ему синагогу башмачников! Здесь тоже есть синагога, но ничего подобного, не тот вкус! В Николаеве я был казначеем, а здесь кто я?... Вот эту кошку на стойке не обменяют здесь на сотню Шмиреров. В Николаеве же, я, кажется, был хозяином всего города.*

...*Ну вот, например, я умер. Где я буду лежать? Там, в Николаеве, была уже такая почтенная компания: отец, мать, дед, бабушки, родственники, покойный доктор Нахумович и вообще свои люди, понимае-*

те вы меня, а тут с кем я буду лежать? Кто придет ко мне в этом диком городе, у кого тут есть время на кладбище ходить?

...Понимаете вы меня, за кусочек моей улицы я вам отдам весь этот Монмартр, весь Париж... Вот выберу минуту, и вырвусь, и убегу отсюда. И буду бежать, понимаете вы меня, бежать, пока до моего Николаева не добежу. Прибежу, и как маленький, хоть на остатки посмотрю. Приду на свою дорожную улицу, где был мой магазин, лягу на пороге, заплачу, и никто моих слез уже не остановит..."²

Те же мотивы неустроенности и оторванности от России в стихах Саши Черного. Вот одно из таких сочинений.

ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕСНЯ

Пою вполголоса, чуть плещет балалайка, —
Нельзя мне громче петь...
"Я вас прошу, — сказала мне хозяйка, —
Не рывкать, как медведь!
Моих жильцов тревожит ваше пенье,
Здесь, друг мой, не шантан"...
Но наплевать, — ведь нынче воскресенье —
И я немножко пьян:
Чуть-чуть хватил дешевого винишка,
Да пива кружок пять...
На сундуке валяется манишка,
Горбом торчит кровать.
Звени, струна, — захлебывайся плеском,
Как голос бубенца,
Когда вдали за тихим перелеском
Он ропщет без конца.
Звени, струна... Снежок мохнатой пылью
Кружится над щекой.
Поля и даль встают орловской былью
Над скованной рекой.
Закатный жар горит над снежным бором,
Сугробы все синей...
Поют лады раздольным перебором
Все громче и вольней...
Звени, струна!... Но, впрочем, — стук хозяйки.
Entrez. Погашен свет.
Ragdon, madame, я, так сказать, в фуфайке.
Я пел?! Ей Богу, нет!³

К сожалению, нам неизвестны тиражи "Иллюстрированной России" в разные годы, но, судя по расширяющейся из года в год географии распространения еженедельника, они были весьма значительны. Так, в начале 30-х годов журнал можно было приобрести в русскоязычных книжных магазинах и библиотеках, а также у частных агентов в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Дальнем Востоке, Дании, Египте, Китае, Латвии, Персии, Румынии, Чехословакии.

Завершая рассказ об одном из самых популярных журналов Русского Зарубежья, хочется еще раз подчеркнуть универсальный диапазон интересов "Иллюстрированной России", позволившей ей стать своего рода зеркалом эмигрантской жизни 20-30-х гг. При этом не следует забывать о плодотворном вкладе в это издание русско-еврейской интеллигенции, способствовавшей не только сохранению, но и развитию подлинной российской культуры.

Примечания

1. Иллюстрированная Россия. 1927. №15 (100). С.4.
2. Там же. С.4.
3. Там же. С.1.
4. Там же. С.2.
5. Там же. С.3.
6. Там же. 1925. Т.1. С.10.
7. Андрей Седых. Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе. 1917-1967. Нью-Йорк, 1968. С.436.
8. В связи с этим событием редакцией была устроена "чашка чая", на которую были приглашены ближайшие сотрудницы и друзья журнала. В специальной заметке, опубликованной по этому поводу, сообщалось, что среди присутствующих были М.А.Алдамов, В.Л.Бурцев, А.И.Гучков, Н.Н.Евреинов, Б.К.Зайцев, В.А.Махсаков, А.Седых, Н.А.Тэффи и многие другие. (См.: Иллюстрированная Россия. 1934. №52. С.4).
9. Иллюстрированная Россия. 1926. №19. С.22.
10. Там же. 1927. №39. С.13.
11. Там же. 1927. №34. С.17.
12. Там же. 1929. №7. С.7.
13. Там же. 1929. №14. С.10.
14. Там же. 1926. №18. С.20.
15. Там же. 1927. №33. С.21.
16. Там же. 1929. №22. С.14.
17. Там же. 1928. №32. С.25.

18. Там же. 1926. №43. С.21.
19. Там же. 1929. №22. С.14.
20. Там же. 1931. №30. С.1.
21. Там же. 1925. №18. С.13.
22. Там же. С.14.
23. Там же. 1926. №44. С.8.
24. Там же. 1929. №22. С.14.
25. Там же. 1926. №2. С.13.
26. Там же. 1929. №29. С.14.
27. Там же. 1926. №49. С.11.
28. Там же. 1924. №6. С.7.

Рижская газета "Сегодня" – кто ее делал, кто в ней печатался и кто ее читал

Юрий Абызов
(Рига)



Г.Гиршфельд

1918 год явился годом развала двух великих империй – Российской и Австро-Венгерской. Возникли самостоятельные государства: Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Югославия. Оказалось, что в каждой из этих стран есть колония бывших российских подданных, достаточная, чтобы обеспечить существование одной или несколь-

ких русских газет. При всем разнообразии изданий большинство газет, где бы они ни выходили, были или продолжением прежних, до-революционных, или сугубо эмигрантскими. Рижская ежедневная газета "Сегодня" являлась изданием весьма необычным, даже уникальным: ее читателями были не только русские, но и латыши, литовцы, немцы, евреи, поляки, проживающие по берегам Балтийского моря.

Официально газета ведет свою историю с сентября 1919 г., но предыстория ее началась еще в декабре 1918, когда двадцатилетний уроженец Ливавы Яков Брамс, бывший студент Петербургского университета, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, вернувшийся в Ригу сразу же после прекращения германского оккупационного режима, затеял газету "Наши дни". Вести ее взялся газетчик Н.Козырев, более известный под псевдонимом Бережанский. Но выпуск газеты вскоре прекратился: в Ригу вошли красные стрелки Фабрициуса, принесшие на штыках правительство Стучки. Спустя неделю после того, как советская власть оставила Ригу (22 мая 1919 г.), Брамс, Бережанский и Цвиг издают газету "Рижское слово".

Существовала газета до 3 августа и была закрыта за неудобную для правительства информацию о еврейском погроме, учиненном военными. Не растерявшись, издатели тут же выпускают газету "Народ", просуществовавшую до сентября. И снова власти цыкнули.